

СЕРГЕЙ ГОРЮНОВ

Между полемикой и толерантностью: конструирование «религиозного другого» через призму николаевской цензуры

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-2-247-276>

Sergey Goryunov

Between Polemics and Tolerance: Constructing the Religious Other Through the Censorship of Nicholas I

Sergey Goryunov — Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). amenokal@yandex.ru

This paper discusses the construction of the “religious other” and the notion of tolerance by the Russian censorship. By using the methods of Cambridge Methodological School, the paper explores the case at the highest censorship committee of the Russian Empire, the so-called “Committee of the April 2nd, 1848”, devoted to define admissibility and limits of religious controversy and polemical theology, in particular, between the Orthodox, the Lutherans and other confessional groups. The author is trying to unpack the content of such terms as “heterodox” and “orthodox” in their evolving correlation, and the specific understanding of tolerance in Russia under Nicolas I.

Keywords: religious polemic, toleration and tolerance, norm and anomaly, Russian censorship, religious other, orthodoxy and heterodoxy.

Введение: проблема, источники, метод

ПРЕЖДЕ чем обратиться к конкретному цензурному делу, изложим общие концептуальные рамки нашего подхода — проблематику «религиозного другого», «межрелигиозной полемики» и границ терпимости как ключевых параметров, в которых может быть осмыслена история монотеистических религиозных традиций. Что такое полемическое богословие и религиозная полемика (от др. гр. *πολέμιος* — вражеский, враждебный)

вообще? Пожалуй, наиболее характерной чертой этой формы коммуникации является противопоставление *другому*, или «иному» (*us us them*)¹. Между тем само религиозное мышление (по крайней мере, в феноменологическом прочтении и в авраамических традициях) подразумевает противопоставленность мирскому в своей ориентированности на «абсолютно другое» (иной уровень бытия) или, пользуясь терминологией Рудольфа Отто, *ganz andere* (лат. *aliud valde* — совершенно инаковое)².

Кроме того, религиозные доктрины (особенно монотеистические) часто формируются/оформляются в религиозной полемике, в утверждении собственной *инаковости* и оппозиционности *другим* («ложным», «еретическим») учениям. Веротерпимость, призывающая к неполемичности и диалогу, как это ни парадоксально, становится формой религиозного притеснения, так как бросает вызов основаниям религиозной идентичности, формирующимся посредством противопоставленности *иному/другому*.

Нередко «ожидаемым поведением» для «современных» религий является участие в процессе примирения (*peacebuilding*) и укрепления «универсальных прав человека» (в том числе и религиозной толерантности). Такие сущностные и «собственные» интересы религий, как распространение своего учения (миссия/прозелитизм), спор с другими религиозными доктринами (полемика/обличение) и проч., должны, в этой логике, уступить место просвещенческим идеологическим установкам на укрепление универсальных прав. Ключевым здесь становится требование к религиям занимать позицию с прицелом на преодоление конфликтов и противостояний³, требование привести религиозные учения в соответствие (по сути, изменить) с принципами «светского общества»⁴. Собственно, и само понятие «религии», как и понятие светского (секулярного), было заново сконструировано

1. «Другой, поскольку он другой, — не просто *alter ego*; он есть то, что я не емь». Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. С-Пб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. С. 90.
2. Отто Р. Священное: об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 44.
3. Scott Appleby, R. (2000) *The Ambivalence of the Sacred: Religion, Violence, and Reconciliation*, p. 245. Boston: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.
4. В сущности, категории «светское» и «религиозное» могут пониматься как навязанные и как форма притеснения: «Те религиозные традиции, которые столкнулись с новым проектом Модерна, оказались не просто вытесненными в некую искусственно синтезированную область, называемую «религия», но еще и встали перед необходимостью принять новую теологию «светского», навязываемую им

но и подверстано под требования просвещенческой парадигмы рациональной терпимости⁵.

Мы обратимся к России начала XIX в. — к одной из первых попыток решить вопрос о допустимой норме религиозной полемики. Норма, в самом широком смысле, регламентировалась тогда цензурой. Разумеется, цензура — далеко не единственный материал, на котором можно анализировать норму толерантности. Так, в работах Пола Верта⁶ принципы религиозной терпимости и конфессиональной политики анализируются в значительной степени на материале регламентации перехода из одной конфессии в другую. В фокусе внимания Михаила Долбилова — автора одной из самых объемных и детальных монографий, посвященных истории религиозного плюрализма и конфессиональной политики⁷ — также находятся материалы (в том числе и огромный корпус архивных документов), посвященные теме регламентации миссионерской активности иностранных исповеданий, случаям массового перехода в православие, намерениям постепенного обращения в православие иноверцев. Кроме того, значимыми для понимания религиозной политики могут быть и материалы, касающиеся темы межконфессиональных браков, норм в отношении религиозной принадлежности детей в межконфессиональных браках, образовательных норм в отношении иноверцев и т.п.

Подобного рода исследования (помогающие понять общий ландшафт конфессиональной политики) являются весьма значимыми для «навигации» в этой теме, но в них нередко оказывается за скобками то, как само государство осмысляло свою религиозную политику, как выглядел «бюрократический разговор» на тему терпимости, каковы были взгляды бюрократии на права иноверцев. Поэтому цензура кажется нам столь же (если не более) показательным материалом, так как регламентация нормы

под угрозой уничтожения». Уэланер Д.А. Расколдовывание дискурса: «религиозное» и «светское» в языке Нового времени // Логос. 2008. № 4. С. 153.

5. См.: Asad, T. (2003) *Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity*. Stanford: Stanford University Press (русск. пер.: Асад Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модернность. М.: НЛО, 2020).
6. См.: Werth, P. (2014) *The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press; Бепм П. Православие, инославление, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
7. Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

мысли первична по отношению к регламентации нормы практики. Любые идеи о смещении границ, не только в государственной конфессиональной политике, но и в общественной мысли относительно темы веротерпимости, просто не могли прозвучать без цензурного одобрения.

В этой работе мы не ставим задачи раскрыть всю историю вопроса — эволюцию имперской религиозной политики в два первых царствования XIX века; становление и функционирование цензурной системы (включая «духовную цензуру»); сложную картину идеологических и культурных векторов эпохи. Наша цель другая: попытаться использовать конкретный исторический пример, чтобы проиллюстрировать осмысление границ религиозной толерантности на перекрестке наиболее значимых культурных дискурсов николаевской эпохи; понять, как в исполнении ключевых социальных и политических акторов формировался сам язык описания толерантности через «проговаривание» природы религиозной инаковости и посредством выстраивания иерархии религиозного многообразия.

Цензурное дело, которое находится в центре статьи, относится к работе секретного «Комитета 2-го апреля 1848 г.» (т.н. Бутурлинского комитета). В «эпоху цензурного террора» 1848–1855 гг.⁸ это был высший цензурный институт в Империи. Рассматриваемое нами дело посвящено попытке решения вопроса о допустимости/недопустимости межконфессиональной полемики в России в первой половине XIX в. Материалов рассматриваемого нами дела касается в своей монографии по истории духовной цензуры А.Н. Котович⁹. Данное дело представлено у него в виде пространных цитат (практически без комментариев) и журнала Комитета, и «отношения» обер-прокурора Синода Н.А. Протасова, и некоего «2-го доклада» Н.А. Протасова, по содержанию во многом совпадающего, но и существенно отличающегося¹⁰ от представ-

8. Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия СПб.: тип. «Труд», 1904 (см. раздел с соответствующим названием).

9. Котович А.Н. Духовная цензура в России (1799–1855 гг.). СПб.: Типография Родник, 1909.

10. Например, в справочной записке отсутствует следующий отрывок, которые приводит А.Н. Котович: *«Чем более знакомства с Европою, тем неизбежнее сравнение чужих мнений с нашими и тем легче, по врожденной человеку слабости, дается предпочтение тому учению, в правилах коего менее строгости и более свободы для жизни»*. И напротив, слово в слово повторяются другие отрывки, например: *«От неутверждения в догматах православия происходили все совращения в латинство, кои, однакож, никогда не были столь опасны, как безраз-*

ленной в данной статье *особой*¹¹ *записки*¹². Однако, в его рассмотрении данное дело, в ряду других, предстает как пример межведомственной борьбы. С исторической точки зрения, это очень важный аспект, но, на наш взгляд, не меньшего внимания заслуживает и сам *предмет* данного дела¹³. Даже если Котович прав и вопрос полемики послужил лишь поводом для выяснения межведомственных отношений, выбор темы свидетельствует об актуальности дискурса.

Нам представляется, что именно цензурные кабинеты оказывались тем местом, где граница нормы/допустимого и аномалии/недопустимого прочерчивалась в ежедневном режиме и буквально «на ходу». Эта мысль весьма емко сформулирована Робертом Дарнтоном: анализ цензурных дел — «это взгляд изнутри, ведь расследование приводит в закрытые кабинеты и на секретные заседания, в ходе которых государственные служащие распоряжались судьбой чужих высказываний»¹⁴. К слову, отмеченный Дарнтоном конфиденциальный характер цензурных документов придает этому виду источников дополнительную надежность. Никаких внешних читателей, помимо непосредственного адресата, не предполагалось, и содержащиеся в такого рода документах высказывания обладают большей прозрачностью (можно сказать, что в них было гораздо меньше самоцензуры).

личный образ мыслей, внушаемый духом протестантизма» (с отличием всего в нескольких словах вы встретите его ниже по тексту). К сожалению, у нас нет возможности провести подробный анализ сходств и различий двух документов, но, опираясь на процитированные А.Н. Котовичем отрывки, можно сказать, что общая интенция документов в целом совпадает. См.: *Котович А.Н. Духовная цензура в России (1799–1855 гг.)*. СПб.: Типография Родник, 1909. С. 503–504.

11. Точное название согласно реестру бумаг, входящих в дело: «список с особой записки» (факт того, что речь идет о «копии», нами осознанно игнорируется в связи с тем, что в делопроизводстве, и особенно на таком уровне, никакой разницы между копией и оригиналом нет, ни в плане содержания, ни в плане статуса документа).
12. Причина различий, вероятно, в том, что Котович анализирует дело по архивным документам Синода, а мы по архиву «Комитета 2-го апреля». По всей видимости, либо особая справочная записка была подготовлена на основании этого «2-го доклада» Протасова, либо речь идет о разных версиях одного документа (в последнем случае окончательным вариантом является, вероятно, рассматриваемый нами, так как именно он в итоге был направлен в «Комитет 2-го апреля 1848 г.»).
13. См. раздел, посвященный взаимоотношению светской и духовной цензур (VII). *Котович А.Н. Духовная цензура в России (1799–1855 гг.)*. СПб.: Типография Родник, 1909.
14. *Дарнтон Р. Цензоры за работой. Как государство формирует литературу*. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 8.

Кроме того, законодательство не давало цензорам рецептов в каждом конкретном случае, а скорее определяло некую рамку работы института цензуры (подведомственность, полномочия, обязанности, ответственность цензоров и т.д.). Ключевой была именно роль частного и прецедентного, а не общего и декларативного. В Российской империи это положение усиливалось и специфическим статусом цензора. Цензоры действовали монаршим именем¹⁵ (подобно тому, как современные судьи именем Российской Федерации). Эта практика приводила к своего рода эффекту «высокой проводимости» всего цензурного аппарата — от местного цензора к Его Императорскому Величеству¹⁶.

В резолюциях и даже рассуждениях цензоров содержится то, что Квентин Скиннер обозначает как иллокутивная сила «намерения, выражающегося в каком-то действии» (*an intention in doing something*)¹⁷. Высказывания цензора носили учредительный характер (служили «перформативным высказыванием», в терминах Дж. Остина¹⁸). То есть в замечаниях на полях, зачеркиваниях и других отметках цензора (в силу статуса и действия именем Е.И.В.) содержится и *намерение легитимации*, и сама *легитимация* нормы.

Следует сказать несколько дополнительных слов о самом Комитете 2-го апреля 1848 г. Лучше всего значение Комитета характеризуют напутственные слова Николая I: «Я не могу читать все, что у нас печатается, потому за меня будете читать вы: вы будете моими глазами»¹⁹. Не обладая де-юре никакими полномочиями, де-факто новый Комитет стал высшим цензурным органом страны. На тот момент это был уникальной пример двойной цензуры

15. Энгельгардт Н.А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб.: А.С. Суворин, 1904. С. 11.

16. Комиссия «по делам книгопечатания» отмечала ненормальность этой практики: «Нет ни одного государства, в котором бы распоряжения по цензуре объявлялись от имени верховной власти». Цит. по: Энгельгардт Н.А. Там же.

17. Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 35–81.

18. См.: Austin, J.L. (1965) *How to Do Things with Words*. London: Oxford University Press (Русск. изд.: Остин Д. Как производить действия при помощи слов // Остин Д. Избранное. М.: Идея-пресс, 1999. С. 13–135).

19. Эльяшевич Д.А. Правительственная политика и еврейская печать в России, 1797–1917 гг. СПб; Иерусалим: Изд-во Гешарим, 1999. С. 223.

(цензуры над цензурой). Комитет возник в горячее время разгара европейских революций, по-видимому, в качестве ответа на «весну народов» 1848 г. Задача Комитета состояла в том (согласно его собственному регламенту), чтобы отслеживать «дух и направление» печатного слова²⁰. Это была попытка осуществить ревизию цензурной нормы.

Комитет работал только с опубликованной литературой²¹. Делопроизводство заводилось в случае пограничных дел, выпадающих в некую серую зону между дозволенным и недозволенным (исключение здесь выступает критерием выборки — очевидно недопустимое не попадало в поле зрения комитета, а очевидно допустимое не привлекало его внимания). Можно сказать и иначе: эта серая зона обнаруживает себя на стыке старой и новой нормы (последнюю, собственно, и вырабатывал Комитет²²). Однако важны еще и не прямые следствия работы Комитета (прежде всего эффект самоцензуры²³).

Прежде чем перейти к анализу конкретного цензурного дела, добавим несколько слов об оптике, через которую оно будет рассмотрено. Мы выступаем с методологических позиций Джона

20. РГИА Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 5.

21. «Со времени учреждения Комитета до начала 1853 г. было рассмотрено книг и брошюр — 3004 экз.; журналов — 1801 и газет — 12 920 номеров; с 1 января 1853 г. по 1 января 1855 г. соответственно 3332 экз., 952 и 17 100 номеров». *Гриченко Н.А.* Комитет 2 апреля 1848 года и Императорская Публичная библиотека // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: материалы VI Международного научного семинара (Москва, 9 ноября 2016). Минск: Центр. Науч. Библ. НАН Беларуси; М.: ФГБУ науки Научный и изд. центр «Наука» РАН, 2016. С. 32.

22. «Энергичная деятельность “Комитета 2-го апреля” по выполнению высочайше возложенных на него задач ощущалась уже в потоке циркуляров, предписаний, распоряжений по вопросам цензуры, подменявших Закон. Только за 7 лет, начиная с 1848 года, появилось 125 подобных актов, что почти в два раза больше, чем за предшествующий 20-летний период». *Горбачев И.Г.* Институт цензуры в Российской законодательстве XVI–XIX веков (Историко-правовое исследование). Казань: изд-во «Юниверсум», 2010. С. 104.

23. Цензор Никитенко (на тот момент уже бывший) приводит любопытный пример общего духа, воцарившегося в цензуре в связи с работой Комитета: «Я заходил в цензурный комитет. Чудные дела делаются там. Например, цензор Мехелин вымарывает из древней истории имена всех великих людей, которые сражались за свободу отечества или были республиканского образа мыслей — в республиках Греции и Рима. Вымарываются не рассуждения, а просто имена и факты. Такой ужас навел на цензоров Бутурлин с братией, т.е. с Корфом и Дегаем». *Никитенко А.В.* Моя повесть о самом себе и о том, “чему свидетель в жизни был”: Зап. и дневник (1804–1877 гг.). СПб.: М.В. Пирожков, 1905. С. 388.

Покока, согласно которому главный интерес для исследователя представляют *континуумы интерпретаций* — «действия и реакции на них, инновации и события, изменения и процессы, которыми образована история дискурса»²⁴. Процедура цензурного делопроизводства по интересующему нас делу может осмысляться не только через тему языковой игры (по тому же Джону Пококу), где каждое ведомство «делает ход» (легитимируя нечто или лишая легитимности), но и через образ «театра» (действие). И тогда значимым для понимания представляется переход от анализа отдельных фактов/высказываний к анализу всего цензурного делопроизводства в его последовательности (от событий — к процессу²⁵). Пошаговое следование за этапами цензурного документооборота не просто добавляет нашему тексту определенную сюжетность, но и выражает некоторую театральность, присущую всему процессу — процедурам, регламенту, «церемониалу» в коммуникациях ведомств как коллективных акторов крепнущей в XIX в. бюрократии.

Уже в веберовской концепции бюрократии, пусть и в неявной форме, можно обнаружить элемент игрового и церемониального. Власть здесь становится элементом игры, частью «бюрократического высказывания», создающего эффект управления монарха вместо реального управления: «Монарху льстят и... показывают романтический ареол власти»²⁶. Именно поэтому метафора театра и ритуала (как инсценировки), подразумевающая некую постановочность и определенный «код» коммуникации, позволяет яснее раскрыть механизмы работы ведомств. Или, по Ю. Лотману, в бюрократической коммуникации формируется семиотическая структура: бюрократический язык ко времени Николая I — это вполне выверенная система знаков и ритуализированных обращений²⁷.

24. Покок, Дж. Г.А. The state of the art // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 178.

25. «Решающим значением обладает специфическая связь речи и действия: ...эффект, производимый языковыми высказываниями, связывается с их (пока еще точно не определенными) церемониальными или ритуальными рамками». Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 126.

26. Вебер М. Политические работы, 1895–1919. М.: Праксис, 2003.

27. «Бюрократическое государство создавало огромную лестницу человеческих взаимоотношений, нам сейчас совершенно непонятных. ... В реальном быту это проявлялось в установленных формах обращения к особам разных чинов в соответствии с их классом»; и далее: «Чин пишущего и того, к кому он обращался,

Цензурный Комитет против полемической книги архиепископа Игнатия

В 1849 г. «Комитет 2-го апреля» направляет Николаю I журнал заседания, на котором его членами была рассмотрена книга Архиепископа Игнатия²⁸ «О таинствах Единой, Святой, Соборной и Апостольской церкви», построенная во многом на основе резкой полемики с лютеранством. В журнале сообщается об «опечаленности» Комитета «резким» и «едва ли приличным» тоном автора: «Со словами, “подивитесь”, сочинитель приводит целый ряд учений Лютера и потом... перемешивает все это следующими выражениями: “сохрани Боже; ужасно помыслить; удивительное, непостижимое забвение, не Евангельское учение называющихся Евангеликов”»²⁹. Комитет заключает:

«Не входя в вопрос³⁰: необходимо ли к подтверждению истин святой нашей веры привлекать полемику, допускающую возможность сравнений и критического разбора в том, что должно быть превыше всяких сравнений и разборов. Комитет смеет думать, что приведенные выражения сами по себе несвойственны важности предмета и духу кротости и терпимости, всегда отличавших православную церковь»³¹ [курсив мой. — С.Г.]»

В первую очередь бросается в глаза тот факт, что Комитет выступает в этом деле на стороне лютеран, а не на стороне «господствующего исповедания». Возможно, это связано с более широким контекстом массового перехода 110 222 лютеран в православие в 1845–1848 гг., после которого из опасений недоволь-

определял ритуал и форму письма». Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — нач. XIX в.). СПб.: Искусство-СПб., 1994. С. 29–31.

28. Архиепископ Воронежский и Задонский Игнатий (в миру Семенов Матвей Афанасьевич; 1791–1850). Помимо рассматриваемой комитетом книги писал сочинения о староверах («старообрядцах») и др. «раскольниках». См.: *Игнатий, архиеп.* Беседы о мнимом старообрядстве. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1844; *Он же.* История о расколах в Церкви российской. СПб.: Тип. Е. Фишера, 1849.

29. РГИА Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 2.

30. Формулировка «не входя в вопрос» в данном случае оказывается тем, что Квентин Скиннер обозначает как языковые «затемняющие стратегии», «непрямые тактики» или «осознанная уклончивость», так как вопрос тем не менее ставится. *Скиннер Кв.* Значение и понимание истории идей. С. 89.

31. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 3.

ства³² политика Николая I в отношении лютеран могла существенно смягчиться.

Так, в другом деле (от 9 сентября 1848 г.) Комитет обрушился с критикой на некоего профессора богословия Фридриха Адольфа Филиппи, в проповеди которого содержались «возбудительные намеки на какое-то страдание и гонение Евангелическо-Лютеранской церкви в Отстзейском крае»³³. В этих словах Комитет усмотрел, помимо прочего, и «ропот на образ действий правительства», полагая, по-видимому, что речь идет о массовом переходе лютеран в православие.

От Николая I последовала весьма неожиданная реакция. На журнале Комитета мы читаем следующую резолюцию:

Можно секретно спросить, но мне кажется, зная положение Лютеранской Церкви вообще, что все эти слова относятся к жалкому ее положению в собственном ее составе, ибо ныне все их старое верование совершенно потрясено; беспрестанно рождаются новые секты и кончаются без Божиим, и в Лифляндии есть тому подобное, хотя и в весьма малом числе; но Гернгутеры³⁴ там очень сильны и потрясли состав Лютеранской Церкви³⁵.

Николай совершенно игнорирует предложение Комитета подвергнуть и проповедника, и пропустившую эту проповедь цензуру «строгой, по законам и по мере вины их, ответственности»³⁶, предлагая вместо этого просто уточнить, что имелось в виду. Из объяснения профессора Филиппи становится понятным, что под «карой Божией» он имел в виду бедственное положение лютеран вообще, которое характеризуется «в чужих краях восстанием против учения и уставов церкви, а у нас переходом в другую

32. «Как и в 1841 г., чиновники из прибалтийских немцев, землевладельцы и пасторы обвиняли православное духовенство в поощрении крестьян к обращению в православие, зачастую сопровождавшемуся обещаниями земли и расселения вплоть до освобождения от долговых обязательств». *Фриз Гр.* Религиозная политика Российской империи в Прибалтике // Вестник СПбГУ. История. 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 789.

33. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 3.

34. Протестантское движение, проповедующее «религию сердца» (индивидуальную религиозность).

35. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 1.

36. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 3.

церковь»³⁷. Впрочем, уловив, по-видимому, снисходительное настроение Николая к этому делу, Комитет заключает:

Хотя выраженное в объяснении Профессора Филиппи воззрение на переход из Евангелической в Православную Церковь, как доказательство гнева Божия и представляется не совсем уместным и по духу и понятиям нашего исповедания; но как поучениями своими он не предполагал изъяснить неудовольствия против образа действий правительства касательно Евангельской церкви в Остзейском крае, то Комитет полагал бы это дело оставить без дальнейших последствий³⁸.

Получается, что профессор Филиппи оказался невиновен, потому что не увязывал массовый переход лютеран в православие с действиями правительства³⁹, в то время как для Комитета эта связь казалась очевидной и напрашивающейся (по-видимому, не случайно). В итоге мы видим, что в деле о проповеди профессора Филиппи (1848 г.) Николай демонстрирует некоторую снисходительность и мягкость. В этом смысле оказывается понятным и заступничество за лютеран в центральном для нас деле о книге архиепископа Игнатия «О таинствах...» — настроение Николая было подхвачено Комитетом.

Ставя под сомнение допустимость полемики, Комитет предлагает определенную модель православной церкви, в которую заложено некое «ожидаемое поведение»: полемика (несоответствующая «духу кротости и терпимости» и «несвойственная важности предмета») в эту картину не вписывается. По-видимому, речь идет о наметившейся парадигме новой религиозной политики, где православной церкви отводится некая новая роль в многоконфессиональном государстве.

Об этом, в частности, свидетельствует то, что тезисы Комитета совершенно не соответствуют глубокой исторической традиции. Даже беглого исторического обзора хватает, чтобы заключить, что «дух кротости и терпимости» не распространяется в христианстве на вероучительные вопросы. Первые века христианства прошли под знаком полемики, начиная с апологе-

37. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 13.

38. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 13.

39. На данном журнале стоит весьма краткая резолюция Николая I: «справедливо». РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 12.

тических текстов и заканчивая мученичеством⁴⁰. После обретения христианством статуса государственной религии полемика, как форма борьбы с «ложными» или «еретическими» учениями, сопровождала христианство на всем протяжении его истории. Именно в споре с религиозными *Другими* оформлялась и получала свою «огранку» доктрина, как и утверждалась реальная власть церкви.

Новая парадигма, которая, как нам кажется, отражена в рассуждениях членов «Комитета 2-го апреля», требовала охраны интересов и других конфессий. Эту линию можно проследить от «Наказа» Екатерины⁴¹ (а возможно, и раньше), но мы говорим прежде всего о XIX веке. Отличительным является то, что, начиная с Александра I, речь идет не столько об отдельных указах, сколько о формировании бюрократических институтов и единого регламента (составление всеобщего законодательства), пусть и с учетом упомянутого «Наказа»⁴². XIX век — важный период в процессе становления бюрократии. Именно тогда происходит переход *от событий к процессам* (в исторической оптике Ведомство — это прежде всего процесс делопроизводства). Появление уставов задает другой тон правительственной работе⁴³. Частным случаем этой тенденции становится и первый цензурный Устав (1804 г.). Именно с Александра I, на наш взгляд, следует вести отсчет новой религиозной политики, а в деле формирования бюрократических институтов Николай и Александр — звенья одной цепи⁴⁴.

40. Христианами первых веков мученичество воспринималось как активное действие, борьба за свои убеждения — использовалось слово «борцы» (*αθληται*) веры. *Болотов В.В.* Лекции по истории древней церкви. Т. 2. С-Пб.: Тип. М. Меркушева, 1910. С. 3.

41. «В столь великом государстве... весьма бы вредный для спокойства и безопасности своих граждан был порок, — запрещение или недозволение их различных вер» Цит. по.: *Васильев А.* Веротерпимость в законодательстве и жизни в царствование императора Александра 1-го (1801–1825 г.). С-Пб.: [б.и.], 1886. С. 41.

42. «Правительство задумало несколько общих мер для преобразования всего законодательства, чтобы дать в нем перевес тем идеям, которым оно само следовало. Так, комиссии составления законов было повелено высочайшим указом руководствоваться идеями “Наказа”». Там же. С. 38.

43. С точки зрения исследователя можно сказать, что акцент смещается от «роли личности в истории» к роли должности.

44. О наличии замысла продолжить дело Александра I может свидетельствовать, например, учрежденный в самом начале правления «Комитет 6 декабря 1826 г.»: «Особый секретный комитет... для рассмотрения найденных в бумагах Александра I законодательных предположений, обозрения общего состояния государ-

В уставы и регламенты XIX в. уже встроена установка на религиозную терпимость. В принятом при Николае I уставе об иностранных исповеданиях провозглашается: «В российском государстве свобода веры присвоается не только Христианам иностранных исповеданий, но и Евреям, Магометанам и язычникам»⁴⁵. Под эти установки подверстывалась и определенная идеология, выраженная в негативном отношении правительства к полемическим текстам, и, например, уже в уставе 1826 г.⁴⁶ запрещаются сочинения, в которых «под предлогом защиты или оправдания одного из Христианских исповеданий, порицается другое»⁴⁷ (то есть сочинения полемического характера). Именно так закладывается логика веротерпимости, идеалом которой (в видах имперского прагматизма — *raison d'Etat*) является отсутствие любой полемики.

О том, что речь идет об имперской прагматике, а не о приверженности философии Локка или тем более Вольтера⁴⁸, говорит последующая аргументация Комитета, который обращает внимание Николая I на то, что полемические высказывания «не могут не быть огорчительны для многочисленного населения, исповедывающего у нас Лютерово учение»⁴⁹. А ввиду того, что право «порицать» закреплено лишь за православной церковью (как господствующей), невозможность ответить полемикой на полемику «усилило бы еще более меру...огорчения»⁵⁰ лютеранского населения. Речь идет о более или менее целостной позиции или модели «толерантности». Исключительное право православной церкви «порицать» лишает (в глазах Комитета) ее этого права с мораль-

ственного управления, подготовки и обсуждения проектов преобразований государственных учреждений и государственного управления». Высшие и центральные государственные учреждения России, 1801–1917: Т. 1 [Отв. сост. Д. И. Раскин]. СПб.: Наука, 1998. С. 33.

45. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. 11, ч. 1. СПб.: Государственная Тип., 1896. С. 9.

46. Комитет руководствовался другим уставом (устав о цензуре 1828 г.), но приведенный пример демонстрирует наличие некой «общей логики» правительства.

47. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре. С 1720 по 1862 год. СПб.: Тип. Морского Министерства, 1862. С. 165.

48. См.: Локк Дж. Опыт о веротерпимости // Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 66–90; Вольтер, Франсуа-Мари Аруэ. Трактат о терпимости. Москва: Издательство «Э», 2016.

49. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 3.

50. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 3.

ной точки зрения. Любая полемика понимается как аномалия, нежелательный или даже опасный для правительства фактор (в строго политическом смысле).

Ответ Синода на критику

Члены Комитета, естественно, ожидали от «Ведомства православного исповедания» враждебной реакции. Фактически «невесомые»⁵¹ меры, предложенные Комитетом, могут косвенно свидетельствовать о том, что главной целью было «протащить» прецедент или навязать «свой дискурс». Возможно, так бы и произошло, однако Николай I потребовал комментария от обер-прокурора Св. Синода: «Совершенно справедливо, Г. Протасову мне донести зачем Духовная цензура подобное пропускает?»⁵².

Как же ответило Ведомство православного исповедания⁵³? Ответ состоит из двух частей: (1) Отношение обер-прокурора Протасова и (2) некая «особая записка» о полемике, носящая справочный характер. Аргументация Протасова начинается с указания процедуры цензурирования книги. «Как догматическая» она сперва была рассмотрена цензором, потом духовно-цензурным комитетом, затем Синодом и «конфиренциею С.-Петербургской Духовной Академии»⁵⁴. Эти детали, помимо того, что они проливают свет на сложную процедуру цензуры текстов догматического (вероучительного) содержания, демонстрируют намерение обер-прокурора подчеркнуть, что адресатом критики Комитета является само «Ведомство православного исповедания», которое на всех возможных уровнях одобрило текст, а «цензор, коего имя выставлено на книге, был только исполнителем распоряжений всего высшего Духовного Начальства»⁵⁵. Таким образом, как бы уравниваются противоборствующие стороны — Комитет vs Синод (оба ведомства подчиняются исключительно Е.И.В.).

51. Комитет не предлагает ни циркулярных постановлений, ни наказаний цензору, но лишь «поставить на вид» автору «негласным образом» предложенные Комитетом соображения.

52. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 2.

53. В ответах обер-прокурора важно и то, что *иллокутивное* преобразуется в *перлокутивное*. То, «что намеревался сделать» Комитет, преобразуется в то, «что он сделал» — какую реакцию вызвал / как был понят, воспринят, и в то, что «цель контрхода восстановить конвенцию». Покок Дж. Г. А. The state of the art. С. 167.

54. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 10.

55. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 10.

Что же противопоставлено позиции Комитета в «Отношении» графа Протасова? С одной стороны, плохо скрываемое раздражение. Суть ответа обер-прокурора сводится к тому, что, во-первых, все отрывки с замечаниями Комитета «находятся только на четырех страницах»; во-вторых, «они Комитетом выписаны отрывочно, имеют же настоящий смысл только в связи с речью, откуда взяты»; и «вообще вся книга написана в умеренном тоне, и есть труд ученый, чисто-Богословский, предназначенный не для Лютеран, а для Православного Духовного юношества»⁵⁶.

Но что еще важнее, Протасов предлагает иной взгляд на тему полемики как таковой. Сочинения Лютера, имеющие статус символических книг (вероучительных документов), сами носят обличительный характер и потому требуют полемического же ответа⁵⁷. Особенно важно то, что Протасов обращает внимание и на уклончиво сформулированный Комитетом главный вопрос *о допустимости полемики как таковой*, подкрепляя к своему «отношению» справочную записку, целиком посвященную этому вопросу:

В подносимой при сем на Высочайшее благоусмотрение особой записке изложены с некоторою подробностью причины существенной необходимости книг в защиту Православия от *иноверных учений*, отовсюду стремящихся ныне поколебать оное, и вообще необходимости (в чем Комитет изъявил сомнение) Полемического Богословия, которое никогда у нас не запрещалось даже *иноверцам* в их духовных учебных курсах и которое запретить им было бы несправедливо и невозможно без очевидного *стеснения их веры*»⁵⁸
[курсив мой. — С.Г.].

Заключительный тезис цитаты как раз свидетельствует о том, что мы имеем дело не просто с защитой отдельного сочинения, но с иным взглядом на веротерпимость. Не полемика нарушает принципы толерантности, а ее запрет, так как он становится «стеснением веры» для всех христианских конфессий, и — как

56. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 11.

57. Обер-прокурор обращает внимание на то, что сам текст Лютера полемичен и в нем, в частности, «Литургия именуется “крайнею и ужасною мерзостью”, “идолослужением”, “опасным изобретением человеческим”, и проч. После сего даже могла ли Духовная Цензура посягнуть на исключение слов Православного Пастыря?». РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 11.

58. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 12.

здесь, несомненно, подразумевается — прежде всего господствующей церкви.

Это последнее становится очевидно, когда обер-прокурор апеллирует к самому наименованию конфессии — *православие*, указывая, что противопоставленность религиозному *другому* (православие/иноверие⁵⁹) заложена в самом названии вероисповедания: «А в вере господствующей самое имя “Православие” было бы тщетным, если бы не позволяло доказывать, что она действительно Православна»⁶⁰. Логика Протасова кажется гораздо более обоснованной и согласной с реальной религиозной практикой, в полной мере осознаваемой церковью и в XXI в.⁶¹ Аргументация Протасова базируется на изначальной причине и цели соборного утверждения тех или иных богословских формул, являющихся границей или водоразделом оппозиции *православие/иноверие* (*ortodoxia/heterodoxia*). В этой оппозиции заложена полемичность и оценочные, коннотативные смысловые нагрузки (истинное/ложное), подразумевающие полемику как жанр доказательства.

Наконец, мы переходим к особой записке, которую обер-прокурор прикрепляет к своему «Отношению», направленному Николаю I. О чем же эта записка? Она полностью посвящена все тому же главному вопросу, в который Комитет так надеялся «не входить», но посчитал нужным обозначить, — вопросу о *допустимости полемики как таковой*. Записка начинается с краткого исторического экскурса:

Отцы Церкви, не ограничиваясь изложением святых догматов веры, вменяли себе в непременный и священный долг — *опровергать* все современные лжеучения... издревле существует Полемическая часть Богословия, столь важная и столь необходимая, что *без нее и Догматическая теряет силу*, когда учащиеся не снабжены доводами *против иноверных заблуждений*... *Не иметь ей права защищать*

59. В то время термин инославие не использовался и можно дополнительно обратить внимание на то, что *другие* христианские конфессии обозначаются термином «иноверие» наряду с другими религиями.

60. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 12.

61. «По какой причине появляются догматы? Прежде всего, из-за возникновения ересей. Цель догматов — защитить церковное учение от еретических искажений. Само слово, которым в эпоху Вселенских соборов обозначали соборные вероопределения — греческое “орос” (ὄρος), буквально означает “граница”, “предел”» *Давыденков О. прот.* Догматическое богословие: Учебное пособие. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 36.

свое древнее Апостольское и Соборное учение, *значило бы не иметь права людям убеждаться* в том или другом образе мыслей и верований...⁶² [курсив мой. — С.Г.].

Отметим, что в записке речь идет о праве. Контекст многоконфессиональной среды требует *права* отстаивать свое учение в противопоставлении с конкурирующими доктринами.

Два подхода в отношении терпимости к религиозному (и культурному) другому

Итак, если брать столкнувшиеся концепции в чистом виде, то, с одной стороны, перед нами просвещенческая логика мышления (Комитет), в которой толерантное государство призвано минимизировать нападки одной религиозной группы на другую — *запретить полемику всем*. С другой стороны (Синод), мы видим «религиозную» позицию: то, что понимается под просвещенческой «толерантностью», оказывается формой религиозного притеснения, а истинная веротерпимость — *дозволить полемику всем*. И хотя важно отметить, что в обеих позициях толерантность как таковая не ставится под сомнение, мы видим два не просто разных, а полярных понимания толерантности.

Мы должны сразу оговориться, что назвать акторов данного дела носителями этих концепций было бы, по меньшей мере, преувеличением. Можно говорить только об использовании ими определенных и устойчивых «политических языков» или дискурсов. Считать позицию Комитета примером внедрения в практику просвещенческих идей веротерпимости было бы семантическим смещением — во главе угла здесь «имперская прагматика». Цель — понятное и прогнозируемое поведение всех законодательно допускаемых исповеданий в Империи, а не абстрактные универсальные права верующих.

Журнал дел Комитета был адресован Николаю I и ориентирован на него, а Николая I крайне трудно заподозрить в симпатиях к Просвещению. В дневнике современника Николая, цензора А.В. Никитенко, мы находим следующую характеристику: «Довольно упомянуть о цензурном уставе, который есть самый верный отпечаток духа и намерений нашего царя. Он решает или, по крайней мере, старается решить в нем вопрос, который с ко-

62. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 14.

варным двусмыслием предлагали фанатики и поборники старых предрассудков: полезно ли России просвещение? И решает это в смысле положительном⁶³: конечно, это в теории, а как будет на практике — увидим»⁶⁴. О том, как было на практике, достаточно определенно говорит историк дореволюционной цензуры К.М. Лемке: «По воцарении Николая просвещение перестало быть заслугой, стало преступлением в глазах правительства; университеты подверглись опале; Россия предана была в жертву преторианцам»⁶⁵. Собственно, в этом и специфика николаевской России. При внешнем декларировании просвещенческих ориентиров практика была целиком подчинена имперской прагматике.

Это в полной мере осознавалось и Комитетом, и Синодом. В обоих случаях важнейшим аргументом становится апелляция к прагматике (политическим последствиям). Эта линия отчетливо прочитывается в рассматриваемой нами особой записке, которая представляет собой, помимо прочего, яркий пример «ментального картирования». В записке признается, что «иноверцам» действительно запрещено публиковать полемические тексты против православия, но им разрешено полемизировать с православным учением в своих учебных заведениях. Кроме того, подобными текстами наполнена периодика «*чужих краев*», «а известно, как все сие, при существующей у нас охоте к иностранной литературе, с жадностью читается и Русскими. Но где в них найдут Русские голос в пользу Церкви своей?»⁶⁶.

Это очень меткий аргумент с учетом того, что речь идет о следующем годе (1849) после года «весны народов», именуемого в отечественной печати того периода как «бешеный год»⁶⁷. На волне страха перед «опасным» влиянием Запада и угрозой революции

63. По всей видимости, Никитенко имеет ввиду преамбулу устава: «...желая всегда и всеми мерами способствовать успеху истинного *просвещения*, *вмещающего неизблемым основанием приверженность к Вере и Престолу*, охранение добрых нравов и личной чести каждого, Мы Повелели составить на таковых началах полный Устав о Цензуре». Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. III. 1828. От № 1677 до 2574. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. С. 460.

64. Никитенко А.В. Записки и дневник: (1826–1877). Т. 1 из 3-х. С-Пб.: Тип. А.С. Суворина, 1893. С. 266–267.

65. Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. С-Пб.: Тип. А.В. Орлова, 1909. С. 2.

66. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 14.

67. Нифонтов А.С. 1848 год в России. Очерки по истории 40-х годов. М.: Гос.-соц.-эконом. изд., 1931. С. 5.

на поверхность поднялись консервативные силы, и уваровский лозунг «Православие, Самодержавие, Народность», сформулированный в 1830-е гг. как антитеза западному *Liberté, Égalité, Fraternité*, приобрел новую актуальность⁶⁸. С 1848 г., после нескольких записок на тему крамолы в русской периодике, поданных императору С.Г. Строгановым и бароном М.А. Корфом⁶⁹, Николай I берет курс на борьбу с любого рода вольнодумством и инакомыслием, не в последнюю очередь — с религиозным. Главной мишенью в борьбе с инакомыслием стала литература, а главным орудием — цензура. Именно в рамках этого курса Николай I сперва создает временный «Меншиковский комитет», а затем и «Комитет 2-го апреля 1848 г.».

Таким образом, аргумент, указывающий на опасность предложений Комитета в политическом смысле, фактически обнаруживает, что Комитет, созданный для борьбы с вольнодумством, сам же его и насаждает. Ведь «от неутверждения в догматах Православия случались все соращения в Латинство, кои однакож никогда не были столь опасны, как безразличный образ мыслей (*indifference*), внушаемый духом Протестантизма»; и несколько далее:

Дав полную свободу уму в изъяснении смысла Св. Писания, реформация самым естественным образом не могла не довести своих последователей до отрицания наконец всякого положительного догмата; и ныне уже почти по всей Европе, учение Лютера переродилось в Рационализм, который грозит уничтожением самому Христианству в возникающих там мнимо-религиозных обществах. *Дух сего вольнодумства обратясь к полемике*, приготовил нынешнее общее в Европе брожение умов и распадение Государственных связей⁷⁰ [курсив мой. — С.Г.].

Здесь дискурс *религиозного Другого* тесно переплетается с дискурсом *культурного Другого*, так хорошо знакомым Николаю

68. «Для того, чтобы отрезаться от Европы, от просвещения, от революции, пугавшей его с 14 декабря, Николай, со своей стороны, поднял хоругвь православия, самодержавия и народности, отделанную на манер прусского штандарта и поддерживаемую чем ни попало». Герцен А.И. Былое и Думы. Т. 1. М.; Л.: Государственное изд-во, 1931. С. 431.

69. Старкова Л.К. Цензурный террор 1848–1855 гг. Саратов: Изд-во Саратов. педагог. ин-та, 2000. С. 5.

70. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 15–16.

I по спорам западников и славянофилов. Кроме того, выстраивается смысловая цепочка *от религиозного к политическому*: «латинство» — «протестантизм» — «рационализм» / «вольнодумство» — «брожение умов». Это любопытная попытка указать на процесс секуляризации, а также пример пошагового переноса религиозного в культурное и политическое измерения. Дальнейшие рассуждения в записке уже целиком помещены в рамку, в которой православие выступает как скрепляющая империю и трон идеология, так как оно «создало ту дивную силу Самодержавия, на которую с изумлением взирают иноплеменники, и приготвило Россию к нынешнему состоянию могущества»⁷¹.

Культурный *другой* выступает здесь не только в роли наблюдателя («изумленно взирающего»), но и агента влияния. Происходит конструирование образа врага, культура которого не просто чужда, но деструктивна и приводит к расшатыванию устоев, а главной мишенью оказывается *внутренний* религиозный *другой* — раскольники-старообрядцы:

Не меньшей опасности ожидать должно, когда... при недостатке противодействия Протестантизму, разные отдельные секты Раскола ознакомятся с иноземным свободомыслием, встретятся с подобными им сектами других вер, от учения коих, в Россию занесенного, многие косвенно происходят (Духоборцы, Перекрещиванцы и проч.) и, хотя с ними не сольются, но займут от них отвагу действий, которой еще не имеют⁷².

Фактически мы видим репрезентацию уже окрепшей системы координат Россия/Запад, в которой присутствует идея постоянной культурной экспансии, войны или столкновения культур⁷³. Цель записки — восстановить *status quo*: указывая на опасность западных просвещенческих идей, (якобы) продвигаемых «Комитетом 2-го апреля»⁷⁴, записка попадет точно в цель, так как николаев-

71. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 16.

72. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 17.

73. Этим в существенной мере обусловлено и культуральное (*histoire culturelle*, по Питеру Бёрку) рассмотрение исторического материала, осуществляемое в данной статье — с помощью Кембриджской методологической программы. Подробнее см.: Никифорова Н.В. Научная традиция истории понятий и ее культурологический потенциал. [<https://cyberleninka.ru/article/n/14609338>, доступ от 30.05.2021].

74. «Вместе с лишением ею главного оружия к своей защите, такое ограничение права, коим она всегда невозбранно пользовалась (ныне совершенно неожиданное

ская Россия — это время обратного хода маятника (по А. Ахиезеру), эпоха реакции⁷⁵. От религии до идеологии здесь один шаг.

Приведем максимально сжато дело Комитета о речи ректора могилевской семинарии, некоего архимандрита Серафима, которое служит хорошим примером ситуации конфликта религиозного и политического «языков» (дискурсов) в эпоху реакции:

В речи этой [замечает Комитет. — С.Г.] говорится не о свободе политической, но о духовной свободе человека или о том внутреннем свободном произволении (*le Libre arbitre*), посредством коего он или соблюдает или нарушает данный ему Богом нравственный закон... Комитет не мог, однако же, не усомниться, нужно ли и полезно ли печатание подобных отвлеченностей в губернских наших ведомостях, предназначенных для всех классов и в том числе для таких, которые вовсе не приготовлены к восприятию и правильно-му уразумению таких Богословских тезисов⁷⁶.

Вводя некоего абстрактного адресата — «читателя губернских ведомостей», Комитет вводит и *другой* язык (иной способ прочтения), где свобода понимается в социальном смысле, а это уже современный политический язык, и от богословского дискурса не остается и следа. Тема переносится в совершенно иную систему координат, где главные ориентиры — стабильность, порядок, контроль (в этой системе свобода уже не *le Libre arbitre*, а опасное *liberté*).

Но вернемся вновь к делу «о полемике». В споре Синода с Комитетом Николай занял позицию первого. Бюрократическим решением Николая стало требование, чтобы на заседаниях Комитета, посвященных духовной литературе, присутствовало компетентное лицо от Синода (им стал сам обер-прокурор), а в более отдаленной перспективе — создание 4-го апреля 1851 г. нового «секретного высшего комитета», только уже синодального⁷⁷.

и противоположное всем прежним распоряжениям, особенно же в нынешнее царствование) противоречило бы самому названию ее «господствующую». РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 17.

75. См.: Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России: Циклы модернизации процесса. М.: Изд-во Моск. Университета, 1996.

76. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 3–4.

77. «Об учреждении при Святейшем Синоде особого Секретного Комитета для наблюдения за произведениями книгопечатания по части литературы Духовной». РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 150.

По аналогии с «Комитетом 2-го апреля» он был назван датой своего основания (аналогичными были и полномочия). После его создания в нем рассматривалась вся литература, пропущенная духовной цензурой⁷⁸. «Комитету 2-го апреля» осталась литература, пропущенная светской цензурой, в которой встречаются отрывки «относительно предметов богословских, Православного учения о вере и нравственности, также Церковной истории и Церковных установлений». И «в случае сомнения»⁷⁹ «Бутурлинский комитет» должен был переслать дело в новый «Синодальный комитет».

Выводы: дискурс толерантности и иерархия религиозной инаковости

Что касается выводов относительно содержательной части дела (темы толерантности), то невольно встает вопрос: о какой толерантности, в итоге, там шла речь? Из обозначенного в журнале Комитета (*не позволять полемику никому*) и в «отношении» обер-прокурора (*дозволить полемику всем*) — пожалуй что не о первой и не о второй⁸⁰. Представленные Комитетом и Протасовым концепции толерантности и места полемики оказываются значимыми лишь в качестве доводов или высказываний в «полемике» политического и религиозного языков, тогда как в итоге предлагается и одобряется третья толерантность — имперская: скорее *toleration*, чем *tolerance*. В ней религиозные *другие* встраиваются в иерархическую структуру степеней чуждости и опасности.

Именно в этом, по-видимому, состоит итог всего дела. Просвещенческая толерантность, как и позиция Протасова, основаны на принципе универсальности⁸¹. Имперская веротерпимость, скорее всего, имеет противоположную природу, и вместо универсальности в нее заложен принцип иерархичности, оттеночности, некоей *классификации чуждости*. Больше всего прав оказывается у «господствующей церкви». Другим христианским конфесси-

78. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 2–3.

79. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 4.

80. Но то, что это проговорено, — несомненно важно.

81. Например, Джон Локк мог испытывать личную неприязнь к католикам, но это не нашло отражения в конституции, написанной им для Северной Каролины, где декларируется терпимость ко всем верующим (ущемлены в правах были только атеисты).

ям допускается намного меньше. Например, в случае католиков и протестантов миссионерская деятельность (не полемика, а вообще прозелитизм) в адрес православного оказывалась «сворачиванием от веры» — это караемое уголовное преступление⁸². Еще суровее было наказание за «отвлечение» «через подговоры, обольщения или иными средствами» в «веру магометанскую, еврейскую или иную нехристианскую». Виновникам грозила каторга от 8 до 10 лет⁸³. В империи, где основой идентичности выступает исповедание веры (православный = русский), инаковость оказывается угрозой и допускается лишь как вынужденная мера и, что даже важнее, в разной степени. В имперской парадигме и идеологическом измерении толерантность тесно сопряжена с иерархией чуждости.

Такое положение дел, судя по всему, с незначительными изменениями сохранялось до конца существования империи⁸⁴. Важной вехой здесь был «Указ об укреплении начал веротерпимости» (17 апреля 1905 г.), который ввел некоторые преобразования в самой классификации религиозной инаковости/чуждости. Произошло отступление от старых терминов, маркирующих чуждость. Вместо «раскола» теперь старообрядчество, которое делится на «согласия», «толки» и «секты». Вместо привычного деления на православие/иноверие (например, в нашем деле протестанты называются иноверцами), введено понятие инославия⁸⁵, и теперь перед нами уже трехъярусная конструкция: православие — инославие — иноверие. Однако при всей значимости этих подвижек

82. «За свращение из Православного в иное Христианское вероисповедание, виновный приговаривается: к лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и к ссылке на житье в губернии Тобольскую или Томскую, или, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, к наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для пятой степени наказаний сего рода и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от одного года до двух лет». Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С.-Пб.: Тип. Втор. От. Собст. Его Имп. Вел. Канц., 1845 г. Ст. 195. С. 68.

83. Там же. С. 66.

84. «До самого своего падения в 1917 году режим упорно поддерживал не только превосходство православия над так называемыми иностранными исповеданиями, а христианства над иноверием, но и веры над безверием и нигилизмом». *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 43.

85. На наш взгляд, заслуживает вопрос о том, когда именно категория «инославие» начинает использоваться в официальных документах. Как минимум — в указе «об укреплении начал веротерпимости» (но, возможно, и раньше).

принцип иерархии (когда в основе веротерпимости не универсальное правило, а классификация чуждости) сохранился до самого конца⁸⁶.

В качестве некоторых финальных штрихов отметим, что классификация чуждости имеет определенные переключики с современностью. Например, преамбула закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г. признает «особую роль православия в истории России» и перечисляет христианство, ислам, буддизм и иудаизм как религии, имеющие историческое значение. Конечно, преамбула правовой нормой не является и правовых последствий не имеет, но здесь важен сам факт имплицитной классификации.

Похоже, что и здесь можно говорить об идеологическом изменении религии, которое предполагает, с одной стороны, прагматическую толерантность, а с другой, и некоторую иерархию предпочтений, в особенности — отдельной, идеологически наиболее близкой доктрине. Так, А.С. Агаджанян, вводя понятие «иерархического плюрализма религий», заложенного в закон «О свободе совести» 1997 г., также отмечает сходство данной модели с дореволюционной. Из любопытных отличий в предложенной им классификации следует отметить изменившееся положение инославных христианских исповеданий (римо-католиков и протестантов), которые (несмотря на присутствие в России со времен Ивана Грозного) сегодня «кажутся уже *не-вполне-русскими*, им уже приходится доказывать свою релевантность новой “формуле идентичности” на фоне весьма отрицательной публичной риторики»⁸⁷. Конечно, современная и дореволюционная модели «иерархии инаковости» сильно различаются. Однако, на наш взгляд, некоторые рассуждения кажутся здесь уместными. Комплекс современных инструментов религиозной политики, в части общего идеологического вектора и некоторых практических форм, имеет схожие черты — не только с соответствующим советским опытом (что кажется очевидным), но и с дорево-

86. Подробный обзор положения дел в первой четверти XIX в., с переходом из одного вероисповедания в другое см.: раздел «Арбитры свободной совести: конфессиональная идентификация и смена веры в России (1905–1917)». *Верт, Пол.* Там же. С. 43–64.

87. Агаджанян А. С. Религиозный плюрализм и национальная идентичность в России // Международный журнал по Мультикультурным Обществам. Вып. 2, No 2, 2000. С. 16–19. [<https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000138820.page=4> доступ от 30.05.2021]

люционным имперским. Речь не идет о том, что современная религиозная политика государства вплетается корнями в дореволюционную практику, однако определенные «заимствования» (или ненамеренное воспроизводство) методов и приемов вполне можно допустить.

Библиография / References

Архивные материалы

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 1611 — Комитет 2 апреля 1848 года. Оп. 1.

Ед. хр. 150. Дело «Об учреждении при Святейшем Синоде особого Секретного Комитета для наблюдения за произведениями книгопечатания по части литературы Духовной».

Ед. хр. 71. Дело «По замечаниям Комитета о книге архиепископа воронежского Игнатия под заглавием: О таинствах единой, святой, соборной и апостольской церкви».

Ед. хр. 1. Дело «По учреждению Комитета 2-го Апреля 1848 г. для высшего надзора за произведениями Русского книгопечатания».

Ед. хр. 106. Дело «О помещенной в Пензенских Губернских ведомостях речи, произнесенной ректором Могилевской Семинарии Архимандритом Серафимом на публичном испытании воспитанников оной 11-го июля 1849 г.».

Ед. хр. 31. Дело «О напечатанной в Дерпте и говоренной там же проповеди Доктором и Профессором Богословия Филиппи».

Литература

Агаджанян А.С. Религиозный плюрализм и национальная идентичность в России // Международный журнал по Мультикультурным Обществам. 2000. Вып. 2. No 2 [<https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000138820.page=4>, доступ от 30.05.2021].

Ахизер А.С. Россия. Критика исторического опыта: (социокультурная динамика России). М.: Новый хронограф, 2008.

Бахманн-Медик, Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: НЛО, 2017.

Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. Т. 2. С.-Пб: Тип. М. Меркушева, 1910.

Васильев А. Веротерпимость в законодательстве и жизни в царствование императора Александра 1-го. (1801–1825). СПб.: [б.и.]. 1886.

Вебер М. Политические работы, 1895–1919. М.: Праксис, 2003.

Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Вишленкова Е.В. Религиозная политика в России (первая четверть XIX века). Дис. д.и.н. Казань: Казанский гос. Ун., 1998.

Вольтер, Франсуа-Мари Аруэ. Трактат о терпимости. Москва: Издательство «Э», 2016.

Высшие и центральные государственные учреждения России, 1801–1917: 1 т. [Отв. сост. Д. И. Раскин]. СПб.: Наука, 1998

- Герцен А.И.* Былое и Думы. т. 1. М.-Л.: Государственное издательство, 1931.
- Горбачев И.Г.* Институт цензуры в Российском законодательстве XVI–XIX веков (Историко-правовое исследование). Казань: изд-во «Юниверсум», 2010.
- Гриченко Н.А.* Комитет 2 апреля 1848 года и Императорская Публичная библиотека // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: материалы VI Международного научного семинара (Москва, 9 ноября 2016). Минск: Центр. Науч. Библ. НАН Беларуси; М.: ФГБУ науки Научный и изд. Центр «Наука» РАН, 2016.
- Узланер Д.А.* Расколдовывание дискурса: «религиозное» и «светское» в языке Нового времени // Логос. 2008. № 4.
- Давыденков О. прот.* Догматическое богословие: Учебное пособие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013.
- Дарнтон Р.* Цензоры за работой. Как государство формирует литературу. М.: НЛО, 2017.
- Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С.* Реформы и контрреформы в России: Циклы модернизации процесса. М.: Изд-во Моск. Университета, 1996 г.
- Котович А.Н.* Духовная цензура в России. (1799–1855 гг.). СПб.: Типография Родник, 1909.
- Левинас Э.* Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.
- Лемке М.К.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб.: Тип. А.В. Орлова, 1909.
- Лемке М.К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб.: тип. «Труд», 1904.
- Локк Дж.* Опыт о веротерпимости // Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1988.
- Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции рус. дворянства (XVIII–нач. XIX в.). СПб: Искусство-СПб., 1994.
- Мордовцева Т.В.* Культурологические предпосылки определения правового статуса традиционной религии в России. [<https://cyberleninka.ru/article/n/14542793> доступ от 30.05.2021].
- Никитенко А.В.* Записки и дневник: (1826–1877). Т. 1 из 3. С-Пб.: тип. А.С. Суворина, 1893.
- Никитенко А.В.* Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был»: Зап. и дневник (1804–1877 гг.). СПб.: М.В. Пирожков, 1905.
- Никифорова Н.В.* Научная традиция истории понятий и ее культурологический потенциал. [<https://cyberleninka.ru/article/n/14609338>, доступ от 30.05.2021].
- Нифонтов А.С.* 1848 год в России. Очерки по истории 40-х годов. М.: Гос.Соц.-эконом. Изд. 1931 г.
- Отто, Рудольф.* Священное: об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008.
- Покок Дж. Г. А.* The state of the art. // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т.III. 1828. От № 1677 до 2574. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии. 1830.
- Сборник постановлений и распоряжений по цензуре. С 1720 по 1862 год. СПб.: Тип. Морского Министерства, 1862.

- Скиннер Кв.* Значение и понимание в истории идей. // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Старкова Л.К.* Цензурный террор 1848–1855 гг. Саратов: Изд-во Сарат. Педаг. Ин-та, 2000.
- Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. Втор. От. Собст. Его Имп. Вел. Канц., 1845.
- Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. 11, ч. 1. СПб.: Государственная Тип., 1896.
- Эльяшевич Д.А.* Правительственная политика и еврейская печать в России, 1797–1917 гг. СПб.; Иерусалим: Изд-во Гешарим, 1999.
- Энгельгардт Н.А.* Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати. (1703–1903). СПб.: А.С. Суворин, 1904.

Archival materials

RGIA — Russian State Historical Archive

F. 1611 — Komitet 2 aprelia 1848 goda [Committee of April 2, 1848]. Op. 1.

Ed. khr. 150. Delo “Ob uchrezhdenii pri Sviateishem Sinode osobogo Sekretnogo Komiteta dlia nabludeniia za proizvedeniiami knigopechataniia po chasti literatury Dukhovnoi” [The Case “On the Establishment of a Special Secret Committee under the Holy Synod for the Supervision of Works of Book Publishing in Relation to Spiritual Literature”].

Ed. khr. 71. Delo “Po zamechaniiam Komiteta o knige arkhiepiskopa voronezhskogo Ignatii pod zaglaviiem: O tainstvakh edinoi, sviatoi, soborno i apostol'skoi tserkvi”. [The Case “On the remarks of the Committee on the book of Archbishop Ignatius of Voronezh entitled: On the sacraments of the United, Holy, Catholic and Apostolic Church”].

Ed. khr. 1. Delo “Po uchrezhdeniiu Komiteta 2-go Aprelia 1848 g., dlia vysshego nadzora za proizvedeniiami Russkogo knigopechataniia”. [The Case “On the establishment of the Committee of April 2, 1848, for the highest supervision of Russian publishing”].

Ed. khr. 106. Delo “O pomeshchennoi v Penzenskikh Gubernskikh vedomostiakh rechi, proiznesennoi rektorom Mogilevskoi Seminarii Arkhimandritom Serafimom na publichnom ispytanii vospitannikov onoi 11-go iuliia 1849”. [The Case “On the speech placed in the Penza Provincial Gazette, delivered by the rector of the Mogilev Seminary, Archimandrite Seraphim at the public examination of the students thereof on July 11, 1849.”].

Ed. khr. 31. Delo “O napechatannoi v Derpte i govorennoi tam zhe propovedi Doktorom i Professorom Bogosloviia Filippi”. [The Case “About the sermon published and delivered in Dorpat by the Doctor and Professor of Theology Philippy.”].

Literature

Agadzhanian, A.S. (2000) “Religiozni pliuralizm i natsional'naia identichnost' v Rossii” [Religious Pluralism and National Identity in Russia], *Mezhdunarodnyi zhurnal po Mul'tikul'turnym Obshchestvam* 2(2) [https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000138820.page=4, accessed on 30.05.2021].

Akhiezer, A.S. (2008) *Rossii. Kritika istoricheskogo opyta: (sotsiokul'turnaia dinamika Rossii)* [A Critique of Historical Experience: (The Sociocultural Dynamics of Russia)]. M.: Novyi khronograf.

- Asad, T. (2003) *Formations of the secular: Christianity, Islam, modernity*. Stanford: Stanford University Press.
- Austin J.L. (1965) *How to do things with words*. London: Oxford University Press.
- Bakhmann-Medik, D. (2017) *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukakh o kul'ture*. [Cultural turns. New reference points in the cultural sciences.]. M.: NLO.
- Bolotov, V.V. (1910) *Lektsii po istorii drevnei tserkvi. T. 2*. [Lectures on the history of the ancient church. Vol. 2]. SPb: Tip. M. Merkusheva.
- Darnton, R. (2017) *Tsenzory za rabotoi. Kak gosudarstvo formiruet literaturu* [Censors at work. How the state shapes literature.]. M.: NLO.
- Davydenkov, O. prot. (2013) *Dogmaticheskoe bogoslovie: Uchebnoe posobie* [Dogmatic Theology: handbook]. M.: Izd-vo PSTGU.
- El'iashevich, D.A. (1999) *Pravitel'stvennaia politika i evreiskaia pechat' v Rossii, 1797–1917 gg.* [Government policy and the Jewish press in Russia, 1797–1917.]. SPb; Ierusalim: Izd-vo Gesharim.
- Engel'gardt, N.A. (1904) *Ocherk istorii russkoi tsenzury v sviazi s razvitiem pechati. (1703–1903)* [Essay on the history of Russian censorship in the development of the press. (1703–1903).]. SPb.: A.S. Suvorin.
- Gertsen, A.I. (1931) *Byloe i Dumy. T. 1*. [My Past and My Thoughts. Vol. 1.]. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Gorbachev, I.G. (2010) *Institut tsenzury v Rossiiskom zakonodatel'stve XVI-XIX vekov (Istoriko-pravovoe issledovanie)* [Institute of Censorship in Russian Legislation of the 16th–19th Centuries (Historical and Law Research).]. Kazan': izd-vo "Tuniversum".
- Grichenko, N.A. (2016) "Komitet 2 apreliia 1848 goda i Imperatorskaia Publichnaia biblioteka" [Committee on April 2, 1848 and the Imperial Public Library], in *Sovremennye problemy knizhnoi kul'tury: osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiia: materialy VI Mezhdunarodnogo nauchnogo seminar (Moskva, 9 noiabria 2016)*. Minsk: Tsentr. Nauch. Bibl. NAN Belarusi; M.: FGBU nauki Nauchnyi i izd. Tsentr "Nauka" RAN.
- Il'in, V.V., Panarin, A.S., Akhiezer, A.S. (1996) *Reformy i kontrreformy v Rossii: Tsikly modernizatsii protsessa* [Reforms and Counterreforms in Russia: Cycles of Process Modernization.]. M.: Izd-vo Mosk. Universiteta.
- Kotovitch, A.N. (1909) *Dukhovnaia tsenzura v Rossii. (1799–1855 gg.)* [Spiritual (religious) censorship in Russia. (1799–1855).]. SPb.: Tipografiia Rodnik.
- Lemke, M.K. (1909) *Nikolaevskie zhendarmy i literatura 1826–1855 gg.* [Nikolay's gendarmes and literature 1826–1855.]. SPb.: Tip. A.V. Orlova.
- Lemke, M.K. (1904) *Ocherki po istorii russkoi tsenzury i zhurnalistiki XIX stoletii* [Essays on the history of Russian censorship and journalism of the 19th century.]. SPb.: tip. "Trud".
- Levinas, E. (1998) *Vremia i Drugoi. Gumanizm drugogo cheloveka* [The Time and the other; Humanism of the other person]. SPb.: Vysshiaia religiozno-filosofskaia shkola.
- Lokk, Dzh. (1988) "Opyt o veroterpimosti" [Essay on Religious Tolerance], Lokk Dzh. Sochineniia: v 3-kh t. T. 3. M.: Mysl', 1988.
- Lotman, Iu.M. (1994) *Besedy o russkoi kul'ture: Byt i traditsii rus. dvorianstva (XVIII-nach. XIX v.)* [Conversations about Russian culture: Life and traditions of Russian nobility (18th — early 19th centuries).]. SPb: Iskusstvo-SPb.
- Mordovtseva, T.V. *Kul'turologicheskie predposylki opredeleniia pravovogo statusa traditsionnoi religii v Rossii* [Culturology backgrounds for determining the legal status

- of traditional religion in Russia] [<https://cyberleninka.ru/article/n/14542793>, accessed on 03.06.2021].
- Nifontov, A.S. (1931) *1848 god v Rossii. Ocherki po istorii 40-kh godov* [1848 in Russia. Essays on the history of the 40s.]. M.: Gos. Sots. — ekonom. Izd.
- Nikiforova, N.V. *Nauchnaia traditsiia istorii poniatii i ee kul'turologicheskii potentsial* [Scientific tradition of the history of concepts and its cultural potential.]. [<https://cyberleninka.ru/article/n/14609338>, accessed on 30.05.2021].
- Nikitenko, A.V. (1905) *Moia povest' o samom sebe i o tom, "chemu svidetel' v zhizni byl": Zap. i dnevnik (1804–1877 gg.)* [My story about myself and about "what in my life I was a witness": Notes and diary (1804–1877)]. SPb.: M.V. Pirozhkov.
- Nikitenko, A.V. (1893) *Zapiski i dnevnik: (1826–1877). T. 1 iz 3* [Notes and Diary: (1826–1877).]. SPb.: tip. A.S. Suvorina.
- Otto, R. (2008) *Sviashchennoe: ob irratsional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsional'nyim* [The Idea of the Sacred: about Non-Rational Factor in the Idea of the Divine and its correlation to the Rational.]. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta.
- Pokok, Dzh. G.A. (2018) "The state of the art" [The state of the art], in *Kembridzhskaia shkola: teoriia i praktika intellektual'noi istorii*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. *Sobranie vtoroe. T. III. 1828. Ot № 1677 do 2574*. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire] (1830). SPb.: Tip. II Otd. Sobstv. E.I.V. Kantseliarii.
- Raskin, D.I. (ed.) (1998) *Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniia Rossii, 1801–1917: 1 t.* [Supreme and central state institutions of Russia, 1801–1917: Vol. 1. SPb.: Nauka.
- Sbornik postanovlenii i rasporiashenii po tsenzure. S 1720 po 1862 god. [Collection of resolutions and orders on censorship. From 1720 to 1862] (1862). SPb.: Tip. Morskogo Ministerstva.
- Skinner, Kv. (2018) "Znachenie i ponimanie v istorii idei" [Meaning and understanding in the history of ideas], *Kembridzhskaia shkola: teoriia i praktika intellektual'noi istorii*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Scott Appleby, R. (2000) *The Ambivalence of the Sacred: Religion, Violence, and Reconciliation*. Boston: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.
- Starkova, L.K. (2000) *Tsenzurnyi terror 1848–1855 gg.* [The terror of censorship in 1848–1855]. Saratov: Izd-vo Sarat. Pedag. In-ta.
- Ulozhenie o nakazaniiax ugolovnykh i ispravitel'nykh. [The Code of Criminal and Correctional Punishments.] (1845). SPb.: Tip. Vtor. Otd. Sobst. Ego Imp. Vel. Kants.
- Ustavy dukhovnykh del inostrannykh ispovedanii. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii, poveleniem gosudaria imperatora Nikolaia Pervogo sostavlennyyi. T.11, ch.1.* [Regulations of spiritual (religious) affairs of foreign confessions. The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by the order of the Emperor Nicholas I. Vol. 11, part 1.] (1896). SPb.: Gosudarstvennaia Tip.
- Uzlaner, D.A. (2008) "Raskoldovyvanie diskursa: 'religioznoe' i 'svetskoe' v iazyke Novogo vremeni" [Disenchanted discourse: "religious" and "secular" in the language of Modern times.], *Logos* 4.
- Vasil'ev, A. (1886) *Veroterpimost' v zakonodatel'stve i zhizni v tsarstvovanie imperatora Aleksandra 1-go. (1801–1825 g.)* [Tolerance in legislation and life during the reign of Emperor Alexander I. (1801–1825 g.)]. SPb.: [b.i.].
- Weber, M. (2003) *Politicheskie raboty, 1895–1919* [Political Writings, 1895–1919]. M.: Praksis.

- Vert, P. (2012) *Pravoslavie, inoslavie, inoverie: Ocherki po istorii religioznogo raznoobrazii Rossiiskoi imperii* [Orthodoxy, heterodoxy, disbelief: Essays on the history of the religious multiplicity of the Russian Empire.]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Vishlenkova, E.V. (1998) *Religioznaia politika v Rossii (pervaia chetvert' XIX veka)*. Dis. d.i.n [Religious policy in Russia (first quarter of the 19th century). Dis. Doctor of History]. Kazan': Kazanskii gos. Un.
- Vol'ter, F.-M.A. (2016) *Traktat o terpimosti* [Treatise on religious tolerance]. Moskva: Izdatel'stvo "E".